ПОЭТОГРАД

№ 36 (137)
Сентябрь
2014

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Проза Игоря Михайлова

Поэзия Семёна Крайцмана и Владимира Спектора

Бестселлер Евгения Степанова

Полина Скляднева о Григории Горнове

Журнал «Дети Ра»

Выдающийся поэт России Алексей Давыденков

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

АЛЕКСЕЙ ДАВЫДЕНКОВ (1952 — 2011)

* * *

Я внятно слышал твой укор,
Хотя вчерашний разговор
(Наш, телефонный) длился
Минуты три, и слился
С вопросом вечным: «Кто я?..» —
Короче — с немотою.

Я — враг беспочвенных химер.
Уже не помню, например,
Предмета разговора.
Там не было укора!
Лишь — некий том... страница...
Но все он длится, длится...

А я, пивком его залив,
Бреду с клюкою на залив,
Где у меня в предмете
Волна у ног — и ветер.
Где исчезают лица...
Но все он длится, длится...

Так позабудь же обо мне,
Как о не слишком связном сне,
Который длился, длился —
Ан, вдруг, и прекратился...
Иль — продолжает длиться?
Коль так — кому молиться,
Чтоб, все же — прекратился?..
Иль — чтобы длился, длился...

(Стихотворение с портала www.futurum-art.ru)

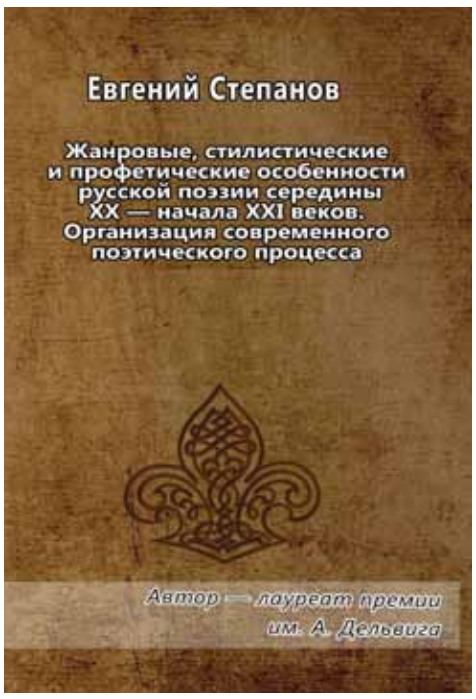
БЕСТСЕЛЛЕР

Уникальная книга о современной поэзии

«Жанровые, стилистические и профетические особенности русской поэзии середины XX — начала XXI веков. Организация современного поэтического процесса»

от автора бестселлера

«Жанры и строфы современной русской поэзии в трех томах» Евгения Степанова



ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Элана «Я часто разговариваю вслух». Билингва М.: «Вест-Консалтинг», 2014

«Неизвестная война» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Владимир Делба «Тетрис: синестезия в стиле стакатто-джаз» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

СЕМЁН КРАЙЦМАН
В ГРАНИТЕ ДНЕЙ СВОИХ

* * *

был ветер.
дерево легло
костями хрупкими на землю.
его полусухая зелень
вздохнув и лопнув, как стекло,
вокруг рассыпалась.
оскал,
песка над редкою травою,
висел.
из неба вытекал
закат,
как будто пулевое
ранение.
и ветер был
и выл,
и армий предводитель
так нас любил, так нас любил...
так клял себя, так ненавидел.

ПРО РУЧНУЮ КЛАДЬ

печаль переступающих черту,
(границу мира в аэропорту)
входящих в одиночество,
как в полость
в граните дней своих.
ручная кладь —
вся память их,
им нечего терять
опричь ее.
отсюда беспризорность,
волнение листвы перед дождем.
по громкой объявляют о посадке.
в дорожных книгах делая закладки,
мы к выходу, озимые, идем,
следя за тем,
как в небе за окном
жуют февраль неспешные медузы,
как тонет в них початок кукурузный —
тугой дюраль,
с проросшим внутрь зерном.

* * *

Жоффруа Жуанвиль, сенешаль Шампани
лежит на втором этаже, во второй палате
лежит у окна, лежит во втором ряду....
он прошел лечебный курс ледяных купаний.
полкубика серы, прижимают его к кровати.
серу, как нам известно, добывают в аду.
там и жил Жоффруа, до того как стал сенешалем, —
в пыльной провинции, в неказистом своем домишке,
в местности, какую все называли — юг,
настолько она «где-то там...»
во дворе, мешая
спать,
ворковали голуби,
в подвале скрипели мыши.
в глазах Жуанвиля все время блестел испуг.
ему казалось, что жизнь — вертолетная лопасть,
или фуга Баха, со старой, отцовской пластинки.
не подобраться, коль голову не пригнуть.
друзья, говоря с ним, испытывали неловкость,
отходили в сторону.
разглядывали ботинки.
поддакивали ему, пробуя ускользнуть
побыстрее от разговора.
однажды в мыслях,
посетив проездом северный, бледный город,
он не встретил женщину.
и в плену
этой невстречи, теплые, грустные письма
стал посылать ей за подписью «Ваш» и «Скоро
увидимся».
и случилось, она ему
ответила: «ну конечно, какое дело...,
приеду, приеду, я Вас тоже давно искала
только сначала умру...».
получив эту весть,
Жоффруа вышел из дому.
сердце его болело.
но болело недолго.
к утру почти перестало.
потом он стал сенешалем.
теперь он здесь.

* * *

...из уходящих навсегда,
из теплых волн,
из легкой пыли,
из тех, кто были иль не были...
не оставляющий следа,
я беспризорничал, клевал
из многих рук, под солнцем таял,
как дымка утром,
пустовал,
терялся, был необитаем.
и взгляд, которым я смотрел
на женщину, был взглядом птицы,
покинувшей земли предел,
был взглядом тех, кто не сумел,
от вечной жизни отшутиться.

* * *

Папур* жует табак и говорит:
— а может зарядить тебе саиб?,
а может, сэр, врубить с плеча по ряшке?
и пряжкою солдатского ремня,
намотанного нА руку, меня
бьет в область головы, и эта пряжка
краснеет.
и
покинув Ашкеназ,
я ухожу в страну далеких песен,
где Бог, как прежде лют, как прежде весел.
как прежде зол удар его.
и пляс
лихих коней средь острого песка
вздувающейся веною виска
становится.
и ветер рвет рубаху.
и как рыжеволосую деваху,
визжащую, татарин тащит в плен —
я глаз открыв и удивляясь свету,
хватаю за косу свою победу
и сплевываю и встаю с колен.

* * *

приезжает друг.
собщает, что умирает.
а ты говоришь: — не трепись,
пойдем лучше выпьем пива.
в теплом баре, в темном углу играет
мягкая медь.
на стенке сухая рыба,
корабельный колокол,
розоватая клякса краба...
уходя трусливо от пауз в которые может
молчаливая правда войти,
о каких-то бабах,
о каких-то работах, детях
говоришь, говоришь, и все же
холодеет кожа, чувствуя за словами
тишину, какую, на мокром, пустом перроне
уходя оставляет поезд.
— помнишь гуляла с нами
такая рыжая...
— помнишь на «Лонжероне»
мы ныряли и после, нажарив звенящих мидий,
смотрели на море, читали «...из Марциала»,
появлялась звезда,
звездный, дрожащий литий
закипал в воде,
рыжая танцевала
голая на песке.
— она до сих пор мне снится...
дождь по стеклу хлещет медвежьей дробью.
как беспощадна, Царь мой, твоя десница.
как велик человек,
созданный по твоему подобью.

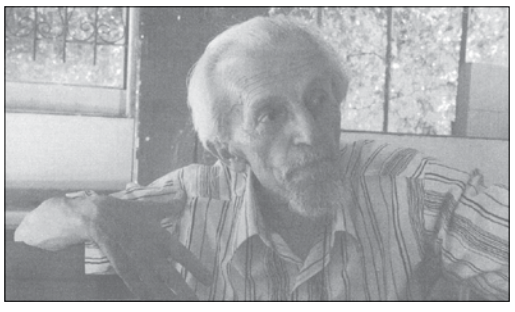
* Имя такое.

РЕКЛАМА

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Открыт новый интернет-магазин издательства
«Вест-Консалтинг» —
WWW.LITLAVKA.RU
Здесь книги можно приобрести
по ценам издательства.
Доставка по Москве в течение 1 дня.
Тел. для справок: (495) 971-79-25

МИЛИКА ПАВЛОВИЧ



ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА

Чтобы понять более глубоко кто ты,
посмотри в зеркало заднего вида
через человека, который появляется
на поверхности амальгамы,
запотевая от твоего дыхания,
вы запотеваете вместе.
Посмотри на него мельком.

Этот другой человек —
Твое единственное зеркало...

Перевел с сербскохорватского
Юлиан ФРУМКИН-РЫБАКОВ

ЕВГЕНИЙ М'АРТ
В БАГДАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО? ИЛИ СЛОВО О МИРЕ

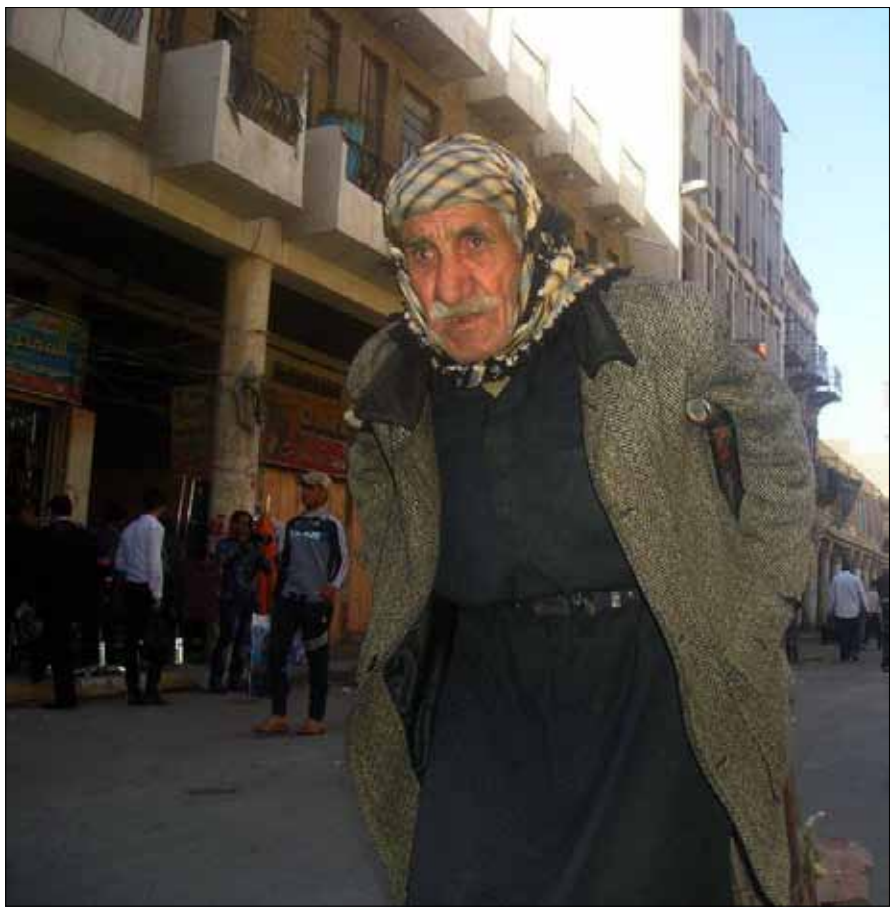
Эта история началась еще осенью прошлого года в Брчко (Босния и Герцеговина). К слову сказать, это единственный город на всей территории бывшей Югославии, где практически на одной площади соседствуют три отдельных памятника сербам, хорватам и боснийцам — память погибшим в боснийской войне начала 90-х, свидетельство пусть хрупкого, но мира. Здесь мы были по приглашению ведущего переводчика с русского на боснийский Жарко Миленича на поэтическом фестивале и познакомились со многими интересными поэтами и переводчиками. Среди них был известный в Европе иракский поэт, ныне гражданин Дании, Муниам Альфакир — это имя можно перевести на русский, как великодушный бедняк. Еще в молодые годы из-за своих социалистических воззрений ему пришлось бежать из своей родной страны, чтобы в итоге осесть в Копенгагене.

Несмотря на такую удаленность Муниам сохранил связь с родиной и теперь имеет возможность ее посещать. Человек большого таланта, непростой судьбы и удивительно открытой души — мы сдружились так легко и непринужденно. И вот при добром содействии Муниама и по приглашению Министерства Культуры Ирака Жарко Миленич, поэт и издатель из Сараево Сабахудин Хаджиалич, ваш покорный слуга и его муза летим в Багдад. Родители боялись за нас, друзья говорили «но там же война», знакомые недоумевали, но мы паковали чемоданы, шли в посольство за визами — мы летели в Багдад.

Февраль, в Москве снег и сосны, в Багдаде +20 и пальмы. Город сказок встречал нас фонтанами и бронированными машинами. Сегодня когда-то свободный Тигр течет за колючей проволокой. Здесь женщины сегодня ходят в платках, но позволительно и без, здесь мужчины стоят под ружье рядом с мужчинами, которые держат в руках книги, здесь на дорогах продают сигареты и сладости дети, здесь старики молятся в мечетях за детей. Здесь молятся Аллаху и последнему пророку на земле Мухаммеду и помнят первую богиню, которую только знает религиозная история человека — Иштарту. Здесь заложен фундамент под самую большую в мире мечеть, но и никогда не исчезнуть из мировой истории Вавилонской башне и Законам Хаммурапи, появившиеся в землях Месопотамии несколько тысячелетий назад. Здесь, в Ираке, колыбель многих древних и современной евроазиатской цивилизаций.

Мероприятие, на которое мы приехали, называлось «Багдад — столица арабской культуры», и на эти дни сюда приехали как представители арабских, так и других стран — поэты, художники, артисты, музыканты. И вот мы уже в компании умудренного писателя из Таджикистана Саттора Турсуна, энергичной и обаятельной арабистки из Казахстана Самал Тулеубаевой, известных не только у себя на родине поэтов Цая Тяньсиня из Китая и Хамидреза Шекарсари из Ирана, и многих других. По вечерам здесь были концерты с участием Иракского национального симфонического оркестра (многие музыканты которого заканчивали Московскую консерваторию) и завораживающие танцы коллективов из Ливана, Курдистана и самого Багдада — сопровождались эти выступления стихами на арабском, захватывающие словно песни своими ритмикой и мелодикой.

В один из дней не без охраны мы выехали в город и оказались на улице имени Аль-Мутанабби — названая в честь выдающегося арабского поэта раннего средневековья, сегодня она представляет собой книжный рынок под открытым небом. Пережившая крупный теракт в 2007 году и преодолев его последствия, эта маленькая часть огромного города и сейчас является местом встречи иракской интеллигенции, студентов филологов и просто ценителей литературы, продолжая оставаться частью богатейшего культурного наследия Багдада. Я ходил по рынку и поначалу опасался: мы здесь чужаки, бледная кожа незагорелых лиц, непокрытая голова моей благоверной — наш неверный жест и сопровождавшим военным придется по-настоящему нас защищать. Но я ловил любопытные взгляды иракских девушек, с нами фотографировались, а узнавая в нас русских, кто-то обязательно нам кричал «Привет!», «Хорошо?», «Мы любим Россию».



На заключительном вечере свои награды получали представители искусства, имеющие отношение к арабскому языку — поэты, драматурги и, что примечательно, переводчики с арабского в том числе и современных авторов. Заканчивалось четырехдневное мероприятие спектаклем, в котором нашли свое сочетание горькая самоирония и трагедия иракского народа последнего десятилетия — и это было понятно и без перевода. Мне, конечно же, вспомнился спектакль, на котором мы были в Брчко и в котором рассказывалась трагедия уже сербско-боснийского народа — страны разные, лейтмотив один и тот же.

По возвращении из Багдада в Россию, у меня из головы не выходила одна простая и ясная мысль: культура народа — то же самое, что душа человека: без души нет и человека (в лучшем случае это животное со своими инстинктами), без культуры нет и народа.

Вызывает глубокое уважение тот факт, что в Ираке при постоянной военной угрозе и не лучших временах страна и ее люди находят возможности и силы в себе сохранять и развивать свою культуру. Культура это не просто, выражаясь сухим языком, совокупность материальных и духовных ценностей, которые характеризуют уровень развития этого общества, — это при угрозе уничтожения, будь то внешней или внутренней, единственная надежда для народа остаться народом.

И еще одна мысль: сохранение наследия культуры — это обеспечение настоящего своего народа; развитие и обогащение культуры — обеспечение будущего для него. Это не менее жизненно важная задача, и, наверное, это тема уже для другой статьи. Но все же хотелось закончить стихами тех поэтов, которые разделили с нами эти незабываемые дни в Багдаде, ведь слово — это основа для возникновения и создания любой из культур, и пусть такие разные они сегодня объединяются для слова о мире.

ПОСТРОИТЬ ДОМ

Однажды я возьму
горсть песка,
возьму несколько трав.
Возьму немного воды
и тысячи километров колючей проволоки.
Это — то, из чего я сделаю свой дом.
Мне объявить его «Ираком»?

Муниам АЛЬФАКИР (Ирак)

БЛЮЗ
ДЛЯ МОЕЙ БЫВШЕЙ РОДИНЫ/ОТЕЧЕСТВА

У меня была
родина.
Они забрали ее.
Они меня и не спрашивали.
Это те же,
кто теперь
хочет новые
таможенные союзы,
совместные заседания парламента
и начать сдавать военных преступников.
Это те же самые
ТЕ ЖЕ
кто их и создал.
...
Мне остается только сказать
одно слово
РОДИНА/ОТЕЧЕСТВО.
Однажды вы поймете
что
ЛЮДИ жили там
и нет... НЕ НАДО, НЕ СТРЕЛЯЙТЕ!!

Сабахудин ХАДЖИАЛИЧ (Босния и Герцеговина)

* * *

Я ненавижу большие заголовки
Заголовки, которые разжигают газету в ваших руках!
Прочтите мне маленькую новость
Новость о том, что просто начался дождь,
который должен охладить наши сердца

Хамидрез ШЕКАРЗАРИ (Иран)

СЕРДЦЕ ПОЭТА

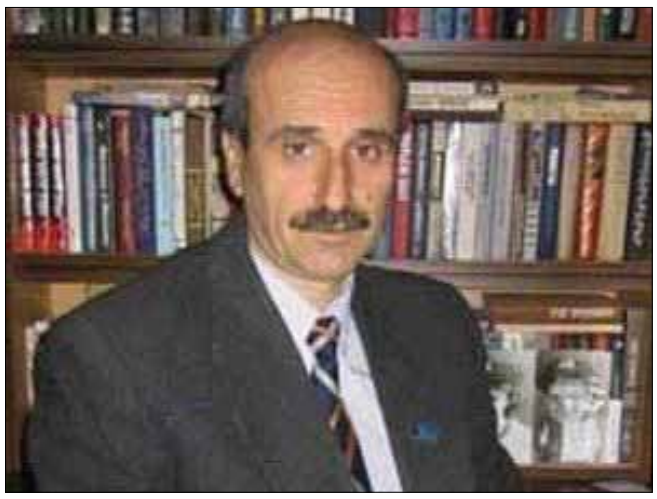
Тонкий пучок света внезапно
пронизывает затянутое тучами небо —
Бросив на озеро синее сияние.

Сердце поэта должно походить на это.
Рассеивая густой туман печали,
оно открывает окно в темноте.

Цай ТЯНЬСИНЬ (Китай)

Перевел Евгений М'АРТ

ВЛАДИМИР СПЕКТОР
ЖИЗНЬ, КАК СОБАКА, ВОЕТ НА ЛУНУ



* * *

Вновь бесноватость назначает встречу.
И ненависть, оскалив черный рот,
Взрывает, убивает и калечит,
И, кажется, назад, а не вперед
Стремится время, как палач за плахой,
Как мракобес, лелеющий войну.
И прошлой смерти воскрешая страхи,
Жизнь, как собака, воет на луну.

* * *

Когда прилетают снаряды,
То ангелы — улетают.
Эхо их хрупких песен
Дрожит, отражаясь в кострах.
Снаряды взрываются рядом,
И все мы идем по краю
Последней любви, где свету
На смену приходит страх.

Снаряды летят за гранью,
Где нет доброты и злобы,
Где стало начало финалом,
Где память взметает сквозняк.
Вновь позднее стало ранним,
И ангел взмолился, чтобы
Вернулась в наш дом надежда,
Но, прежде, чтоб сгинул мрак.

* * *

Все уже не может быть, как прежде.
Смолкли прошлой жизни голоса.
Взорванной, расстрелянной надежде
Выпала дорога в небеса.

«До» и «После» — страхи и тревоги,
Как у деда, позже — у отца…
Тень войны — у самого порога.
Тень беды — с начала — до конца.

* * *

Поезда сюда не идут.
Время пятится в шепот: «Прости…».
Это взорван былой маршрут,
Это ранена память в пути.

Только мины влетают в дом,
Где испуг — у друзей в голосах.
Просто город пошел на слом
Вместе с эхом в немых небесах.

И никак не замкнутся в круг
Обесточенные провода…
Поезда, позабыв испуг,
Подъезжают к вокзалу «Беда».

* * *

Вот замысел, неведомый уму, —
Врагами назначать в своем дому
Друзей, соседей, отправляя всех
Прямой наводкой, позабыв про грех,
Прямой наводкой в злые небеса,
Сквозь детские, бездонные глаза,
Не ведая, что другом бывший враг
Уже готовит твой небесный шаг.

И вновь, который век, кровит венец.
И стынет кровь под взрывами сердец.

* * *

И жизнь коротка,
И не вечно искусство,
Под взрывом фугасным
Летящее вдоль бытия.
Ушедшего времени
Мысли и чувства,
Музейную гордость
Калечит эпоха моя.

Разорваны в клочья
Картины и люди.
Послание ада
Несет в себе каждый снаряд.
Музеи не плачут
Под залпы орудий.
А люди сквозь вечность
Беспечную в бездну летят.

* * *

Ненависть не учит любить,
Тем более, целовать.
Ненависть учится бить
И, может быть, убивать.

Еще она учится лгать.
Ей правда — как в горле кость.
А злость — ее злая мать.
Я ненавижу злость.

* * *

Уже и небо почернело, как река,
На дне которой илом — наши даты.
И в черном небе — дети и солдаты,
Тень самолета или птицы, облака, —

Века, где Слово, падая, возносит тьму,
И назначает черное быть белым.
Где кровью пишется судьба. Не мелом.
Где снова сумрачно и сердцу, и уму.

* * *

Добро и зло меняются местами.
Не разобрать, кто прав, кто виноват…
Из ненависти облако над нами,
Из облака — не дождь на ниву — ГРАД.

Откуда эти бешенство и злоба?
И гибельный, безжалостный сквозняк?
Толпятся, забивая крышку гроба,
Добро и зло, и бывший другом враг.

* * *

Город захвачен в плен
Временем сорванных крыш,
Где от упавших стен
Стонет подавленно тишь.

Время нежданных мин
Взорвано крахом идей.
Город один на один
С эхом немых площадей.

* * *

Чужая сытость пахнет кровью
Чужая кровь — фугасной миной,
Свечой, горящей в изголовье
В финале странной и недлинной
Извечной драмы, где в начале
Взрывался только детский хохот…
Вся жизнь взорвалась и пропала…
Как эхо выдоха и вдоха.

* * *

Бомбят, как много лет назад.
Отличие — лишь в марке самолета.
Из прошлого нагрянул ад,
Где чьим-то мукам радуется кто-то.
Не задавай вопрос «За что?»
Ответов сумрак — между «здесь» и «где-то».
Он в адском пламени АТО
Беснуется, взрывая тень рассвета.

* * *

Милосердия тревожная печаль
Выставлена памятью за дверь.
Это раньше закаляли, словно сталь,
Правдою характер. А теперь…

Лютой ненавистью раздирая рот,
Умножая злобу и позор,
Зависть скачет, а обман поет…
И смертельно страшен этот хор.

* * *

По старым следам, по горючим слезам
Эпохи, где свищет свинец,
Где бьет наугад автомат или ГРАД,
Где жалость ушла из сердец,
Проходим и мы, мимо света и тьмы,
Сквозь ужас отравленных глаз…
И этот исход — до небесных ворот,
Где бесам так дорог Донбасс.

* * *

Романтика войны
Романов и кино…
Романтике верны
Лишь идиоты, но…

Воюет полстраны,
Взрывают города.
Проклятие войны…
На всех и навсегда.

* * *

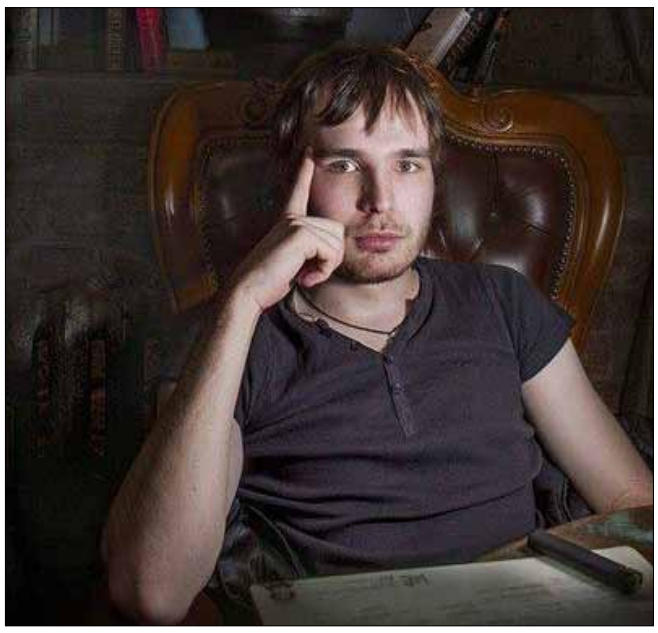
Расстреливая села, города,
Взрывая школы, садики, больницы,
Как пьется-кушается вам, как спится,
Министры, генералы, господа?..
Не на бумагах, ведь, — на лбу печать,
Не ладаном, а смертью пахнут руки...
За кровь, нечеловеческие муки
Когда-нибудь придется отвечать.

* * *

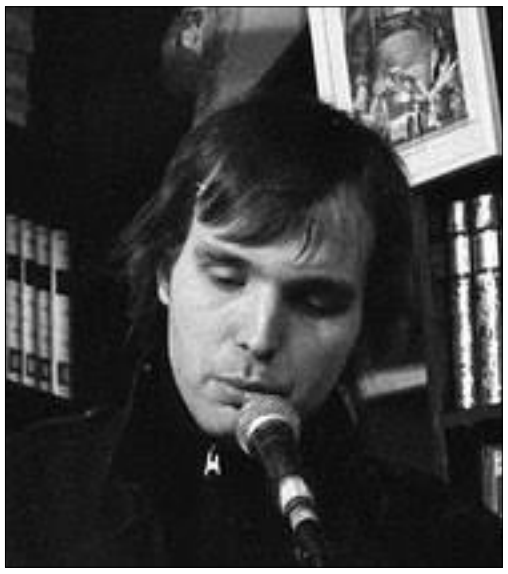
Было в истории все, и уже не однажды —
Войны без смысла, жестокость, разруха, блокада…
Страшные муки от голода, холода, жажды,
Смерть и бессмертие, память и боль Ленинграда.

Все повторяется. И на страданьях Луганска —
Словно из прошлого — адские фосфор и сера.
Мир стал войной — но свобода не хочет быть рабской,
Как на костер, восходя на броню БТРа.

САЛОННЫЕ ШЛЯПКИ И ПОДПОЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОЭЗИИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ



Молодой поэзии фактически не существует. Если же она и обретается, то в подполье, которое никто не ищет. Под «никто» я разумею, конечно, массу (в лучшем, если он есть, смысле, лишенного такого маркера как «мещанство»). То, что разгульно шествует с гордо поднятым «Я» по различным заведениям, иногда даже по мероприятиям, организованным при поддержке Правительства Москвы, назвать поэтом не то, что в истинном, а хотя бы более-менее достойном смысле нельзя. Поэт не может быть глупцом, и это — общее место. Когда на поэтическом вечере в Царицыно люди, позиционирующие себя поэтами, декламируют, пропуская целые строфы, самые затертые стихотворения Маяковского, Гумилёва, ничего не остается, кроме как схватиться за сорокоградусную и валерьянку. Я говорю «шествуют», но стилистически индивидуальной походки нет. Все, что слышится ныне на доступных простому смертному вечерах, можно свести к нескольким пунктам: бурная реакция на современные политические события, перенасыщение строк фактами действительности (Интернет, средства общения, «знаковые», с точки зрения моды, места) и жалкий драматизм. Сие салонное рифмование не то, что новое не предлагает, оно не осваивает старое. Новое, как обычно, нужно. Выход из постмодернизма когда-нибудь должен быть найден. Здесь могут быть разные пути: от возвращения к строгой, функционально оправданной форме до обращения к культурам не-столиц. Удручает факт необходимости проговаривания элементарных вещей: искусство, мысль. Просить мысли сейчас — требование жестокое и, главное, бесполезное: от поэзии остался только легкий фимиам красот в головах новоиспеченных рифмосоздателей. Причем метафоры кроятся на манер женских шляпок: чем больше неоправданных и весьма сомнительных украшений, тем лучше. Говоря короче и упрощая: образ поэта есть, а поэзии нет (опять же, подчеркиваю, поэзии молодой и доступной для чтения широкой публике). Вычеркнуто все трудное, оставлен декаденствующий дым страдальца-пиита, отсюда: жалкий драматизм, не бьющий слушателя и не бьющий самого автора, не терзающий его, а лишь легко поглаживающий: «Мой мальчик, как ты страдал, тебе же положено страдать, ты — Поэт». Безусловно, виной тому — доступность площадок, энтузиазм, обернувшийся похабщиной. В распоряжении — весь Интернет и огромное количество посиделок, строящихся по принципу самовосхваления. Полным цветом распустился нарцисс Персефоны: подделка под трудность таланта; заключается она в безумном усложнении формы, бездумном уснащении текста маркерами прежних культур и расшатанной структуре стиха. И это, конечно, говорит за слепое, невидящее прочтение и подражание прежним поэтическим богам. Но это все — о «салонах». В подполье, как это ни парадоксально, свет есть. Правда, иногда даже в подполье от всеобщей темности и мотылька принимают за прожектор, но есть свечение вне сомнений.



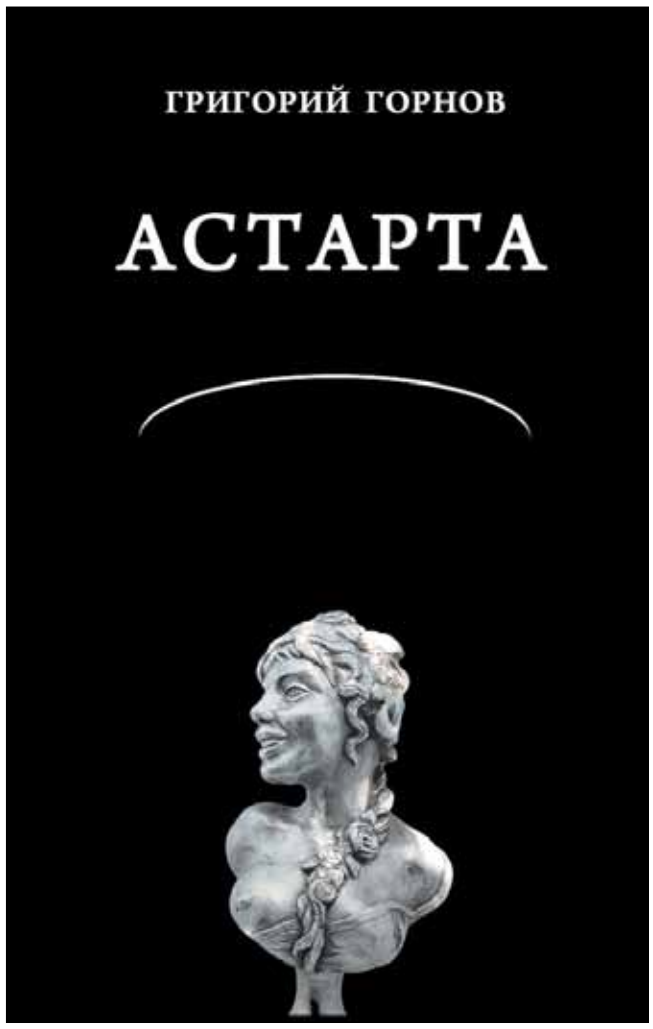
Единственную претензию, которую я слышала к Григорию Горнову, — это повторяемость. «Григорий, Вы себя повторяете». Не будем опровергать это утверждение, не потому, что стесняемся написать опус этому поэту, а потому, что он, благо, еще на этой земле, а, значит, никто не соберется изучать его строки с литературоведческой точки зрения. Если бы взялись — было бы доказано длинно и цитатно, что повторяемость Горнова — не только походка, но и его мотивность. Иногда, правда, мерещатся неоправданные метафоры на манер Губанова. Горнов — поэт пунктирный («это были пунктиры»), не стесняющийся резко разграничивать кадры в строфах, разграничивать как временнЫми скачками, так и пространственными. И синтез с кинематографом интересен здесь не тем, что нов, ибо это не так, а тем, что последователен из произведения в произведение. Другая, еще более поражающая последовательность поэзии Горнова, — обращение лирического героя к женщине, как кажется, как смеется утверждать, — одной и той же. И это уже метафизика, это выстраивание того самого неркутворного памятника, но не себе — а женщине. Это отречение от звания поэта. Вспоминается истертое из Маяковского «если б так поэта измучила, он любимую на деньги и славу выменял, а мне..» — здесь поэт противопоставлен лирическому герою, непоэту. Но это только пара строк. У Григория Горнова — из стихотворения в стихотворение все о ней, причем без той вычурной страдальческой пошлости юных стихотворцев нашей действительности. Вы, ты, она — три заморских рыбы, на которых вырастает горновская метафоричность, интертекстуальность, что мы не беремся сейчас разжевывать, хочется всего лишь удивиться этому возведению Памятника Женщине, которое, казалось бы, требует полного творческого самоотречения, однако, напротив, дарит поэту свободу текста: возможность сведения в одних строках маркеров целых эпох и самых заурядных бытовых деталей. Как и когда возможно вырастание Памятника из оставляющего надежды подполья к публике, переставшей выполнять одну из своих заветных функций, функцию различения, не представляется ясным. Горнов совершил попытку выхода из-под гнета того же Бродского, который своей силой задавливает зачастую относительно светлые зачатки в поэзии, конечно, тому виной все то же отсутствие мысли у «пишущей» рати. Не утверждаем и того, что все подполье — один сплошной оплот, единственный плот спасения грядущего, но то, что открыто, те единичные случаи действительно истинной литературы должны быть слышимы беспардонной массой. Ни в коем случае не призываем эти немногочисленные светочи выходить на авансцену к сегодняшним пародиям на поэтов, но у массы должен быть не столь узкий, как сегодня, доступ к ним, текстовый, информационный. Широко вышагивающий публичный пиит не слышит ничего, кроме себе подобных. Ежели он и вспомнит с горем пополам строки Гумилёва, то заведомо занесет любого представителя Серебряного века на априорно недосягаемую высоту. Тем самым прошлое мифологизируется, а о будущем просто не мыслится. Сегодняшнее же дает иллюзию кафе-шантанского успеха. Из-под полы иногда выходит к массе один, появляется на каждой полке в книжном — и превращается в тот же смрад, сравнявшись с новой средой, не найдя сил.

Тем временем есть такой уникальный случай — как Памятник Горнова, и это, что называется, «здесь и сейчас». Ухо должно слышать мерцание редких подпольных лучей, слышать и облагораживаться этим, а не гулким воем взаимных похвал на табуреточном уровне.

Один из самых показательных признаков при публичном чтении — тишина. Тишина смертельная, а не осуждающая, не возмущенная, не брезгующая. Тишина избитой словом публики, поверженной и пытающейся собрать себя снова.

Помолчим.

Полина СКЛЯДНЕВА



СЛОВО О ПРОЗАИКЕ

Кто-то из вас, читатели, уже знаком с рассказами и эссе Игоря Михайлова? Если вы читали их внимательно, то создаваемые его словами картины должны были потрясти ваше сердце. Что-то он делает со словами такое, отчего душа замирает, когда их читаешь. Игорь Михайлов, в основном, пишет о провинциальной России. И пишет о ней так, что хочешь засмеяться, и вдруг, губы выгибаются по-другому и хочется заплакать. Он пишет о России так, как мало кто пишет. Не бравирует раскрученными модными словами, не выстраивает все в ровный массовый ряд, не подкидывает в текст хохмы, он рисует Россию своими невероятно убийственно точными, вылепленными из снега и любви талантливыми словами. Часто эти слова как тающие сосульки, а может быть, плачущие сосульки. Он создает миниатюрные эссе, но это никак не очерки, а картины Виктора Васнецова, соединенные с картинами Иеронима Босха, там доброта не убитая российская и ужас нахлынувшей российской беды, там смрад и нежность, боль и радость. Россия у него настоящая, большая и равнодушная и страшная, и детская, беспомощная, смотрит на вас огромными глазами, в них слезы, а в руках нож. Игорь Михайлов мастер, большой мастер, он создает словами филигранными настроение отчаянности, и боли, и любви, и все это западает в душу. Скажу вам по секрету, когда читаю его эссе и рассказы, кажется мне, это Антон Павлович Чехов вернулся и продолжает описывать Россию современную. И так хорошо становится. И свет внутри появляется.

Михаил МОРГУЛИС

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ
ЗА ОЗЕРОМ

Закипающая, как в чайнике, вода. Убегающее назад пространство. Пароходик, развернувшись кормой к водной пустыне, словно выходит за рамки пейзажа, для которого он недолгое время служил границей.

А теперь нет границы, лишь — бледное небо, приплюснутое немотой. Туманная дымка, слово все не взаправду.

Час туда, час обратно. Из облачной кисеи в обратном порядке вырастают, словно театральные декорации к опере «Садко»: светлые стены Юрьева монастыря, дальние пейзажи, ближние планы, взятые кирпичными старинной кладки останками перелетами моста в скобки. И вот, наконец, словно покинутый навсегда час тому назад, со дна Волхова всплывает на поверхность Детинец.

Белые сны, белые ночи, северное сияние, бледное, как призрак, тающий и исчезающий за кормой...

Ведение по мере приближения к нему обретает четкость и очертания древних стен, вполне пригодное для спектакля пространство окружено крепостными стенами, за ними — тишина, сотканная из дождя и тумана.

Представление оперы Римского-Корсакова «Садко» как раз и происходит в Детинце, возле чугунного памятника «Тысячелетию России», напоминающее самовар.

Все это выглядит вполне пафосно и натужно. И не только потому, что хороших голосов в российской опере не осталось, и солисты, багровея до синевы, поют на открытом пространстве, а просто — так всегда.

Как только современники в юбилейном или административном порыве сливаются в братском поцелуе с историей, то всякий раз выходит криво. Выходит — тульский пряник, который продают в сувенирной лавке на Ярославском вокзале.

А в этой перспективе — от Ильмень-озера до Волхова — когда рассеивается туман, клубится белая река, словно вечность, млечный путь из ниоткуда в никуда.

Детинец, София, Петр, с торжественностью колокольного звона вырывающийся из чугунного «Тысячелетия». Но сила судьбы, центростремительная воля творца, будто бы возвращает его обратно. Здесь, в этой леденцовой скученности в коробке с монпансье исторических персонажей, которые стали орнаментом, многоступенчатым портретом русской цивилизации, все громоздко и не явно, как и в русской истории: стушевавшийся перед величием фигур Гоголь, прячущий свой нос в шинель; Пушкин в соболей шапке или Садко, возглавляющий литературную иерархию; бородатые мужики, напоминающие купцов первой гильдии и цари, напоминающие персонажей оперы «Садко».

История, отлитая в чугуне, выплавленная из тысячелетия, почти непостижима!

И где-то здесь, возле этого еле колеблемого ветром воздуха, а вслед за ним и города, неправдоподобного, туманного, как утро, набухшего дождем, может быть любой из нас, но уже не как прохладный, будто поданная в ресторации телятина к водке, а как самый подлинный соучастник, которого тяжесть русской истории подмяла под себя.

Тяжесть тысячелетия, словно штанга тяжелоатлета, чугунная шапка Мономаха.

И то правда, когда прессует чугунный вечевой колокол русской истории, то — нишкни. Будь доволен, что заметили. И не беда, что придавили. Не всем же на вершине, возле ангела Господня под крестом красоваться, кому-то, если повезет, быть гербарием.

Это белое молоко Великого города, вот, кажется, сейчас стечет с набережной и убежит, как закипевшее с плитки.

Останутся немногочисленные его обитатели. Счастливые и несчастные от того, что в Великом нет особой промзоны, нету нефти, а потому нет толстопузого бизнеса, который, как и солисты в опере «Садко», багровея до синевы, изо всех сил выкорчевывают гения из места.

Великий на половину пустой, как поздняя электричка. А если вычесть из праздно-шатающейся публики туристов, то и вовсе останутся только силуэты: бледной тенью прочерченные у нефов церквушки, Детинец, Ярославо Дворище, Софийский собор, пара мостов, бронзовая девушка на набережной, сбросившая бронзовые туфли, которые жмут и беззубый Садко с гуслями перед одноименным рестораном на окраине.

Лики святых, колокола, переливчатое журчание звона или бурление волн.

Волхов струит свои неторопливые воды к Ильмень-озеру. Прогулочный катер проходит сквозь туман, пространство и время, словно нож сквозь масло. Прогулочное путешествие по истории в сопровождении популярных песенок. Из молока на туристов выглядывает, хлопая испуганными ресницами, Юрьев монастырь. Высокая и строгая, словно графин, колокольня, белые стены, избы. Молочная река, омывающая кисельные берега.

Если убегать от мира, от Москвы, шума, гама, срама, то — сюда. Как в старь, Великий ушел от Москвы, но Москва сама пришла за тем, что у нее самой не было. Пришла занять взаймы свободы, но забыла вернуть.

Три остова от старого моста, как стариковские зубы. На другом берегу видение, призрак церкви Спаса на Нередице, напоминающий толпу детишек, прижавшихся к отцу.

Спас — двойник Юрьев-Польского Георгиевского собора, хотя его воплощением является Спас Преображения на Ильинке, расписанный Феофаном Греком.

Феофан — видимо, и есть камень преткновения, почти такой же, какими на пути к Новгороду до этого были кафе и закусочные.

Возле одного из них с надписью Ка шоферы насупротив открытого чрева авто что-то бурно обсуждали, то ли смеялись, то ли ругались. То ли все сразу вместе и одновременно: исключительно трехстопным.

И вот будто бы Феофан подслушал и подглядел все это и расписал Спас на Ильинке в конце XIV века.

Из-под купола, куда никого не пускают (а не то несдобровать), с фресок вдоль стен на испуганного и умаленного зрителя сморит беспощадным судией Спас.

Этой едва прикрытой сумраком и флером времени ненавистью Феофан просто прожигает насквозь своих современников, прожигает века, а человек, как был, так и остался, ничем.

Ничто неизменно.

Поэтому у его Спаса нет жалости. Нет снисхождения. Снисхождения быть не может и не должно. Возможно, что такого чувства просто не бывает в природе. Или оно растворилось в тумане.

Строгий, почти аскетический, орнамент, языческие руны, узкие бойницы снаружи, а внутри — этот Феофанов Спас, темно-коричневый лик Бога отца, от которого нет спасения и упокоения.

Нет и не будет. Никогда!

В западном пределе сухой, как хлебная корка, Семион Столпник. Абсолютное неверие в человечью природу, умерщвление ее. Изящная и резкая до эмоциональности апоплексического припадка линия кисти. Ослепший от горя, с выеденными, словно от слез, глазницами — Макарий Великий. Его багровые, пергаментные ладони напоминают киноварь запекшейся крови. Макарий, как будто говорит: довольно, хватит, — очерчивая предел человеческого произвола прямоугольником иконы, стенами храма!

Все равно никакого более счастливого исхода нет и не будет.

Те же жесты и у Даниила Столпника.

Спас на Ильинке и есть этот предел, за который уже не выйдешь прежним.

Страшная красота, странная музейная окостенелость.

Что же делать со всем этим? Как быть или не быть?

И Феофан отвечает: быть. Но только если в пределах храма. За его стенами ты лишен благословения, покровительства Спаса и Его сиятельного гнева и красоты, а значит и спасения.

Поэтому так грустны эти белые стены, так невесомы арки проходных дворов, повисших на плечах и карнизах двухэтажных домов, мосты, башни и купола церквей, невидимые в тумане, словно Китеж-град. Тем более для праздного зеваки, лениво сканирующего ломанную, как зигзаги судьбы, линию берега и бодренькое всхлипывание магнитофона...

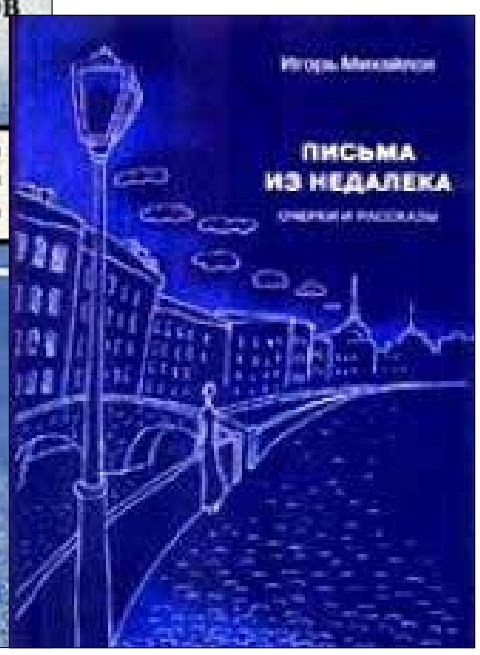
Катер вспарывает гладь Ильмень-озера, огибает пляшущий весело поплавок буйка и разворачивается к русской истории кормой.

А русская история — к нему тылом.

Великий Новгород уходит на дно, а время возвращается вспять. К своему истоку, к своему пределу.

И нет ничего, кроме Новгородской лагуны, бледно-серой, как молоко.

Нет ничего, кроме озера, неба и тумана. А есть греза о Великом, о почти недостижимом, небесном граде, затаившемся по другую сторону зеркала, по другую сторону мира...



Евгений Степанов Монография на румынском

В издательстве Ясского университета «Tipo Moldova» (Румыния) вышла монография Евгения Степанова «Некоторые тенденции развития современной русской поэзии середины XX — начала XXI веков» на румынском языке. Это фундаментальная работа, посвященная тенденциям поэтического искусства в России. За свои литературоведческие труды Евгений Степанов удостоен звания лауреата ведущей российской литературной премии им. А. Дельвига. Перевод выполнил известный поэт и литературовед Лео Бутнару.

В книге — статьи о современной поэзии, посвященные моностиху, дистиху, терцету, катрену, пятистишию, восьмистишиям, сонету, визуальной поэзии, частушке, верлибру, палиндрому, футуристической и заумной поэзии, эпиграмме, пародии, видеопоэзии, лингвогобеленам, листовертням, танкеткам, цифровой поэзии, twitter-поэзии, современной и несовременной рифме, метафоре, метаметафоре, метаболе, анжанбеману, анафоре. Книга будет интересна и профессионалам, и любителям поэзии.

Автор — лауреат крупнейшей отечественной премии им. Антона Дельвига

О научных трудах к. ф. н. Евгения Степанова

Хорошо зная русскую провинцию, Степанов справедливо упирает на то, что сегодня поэтические эксперименты «переживают рассвет» — и далее по тексту первой страницы предисловия, где перечислено больше десятка нестоличных городов, в том числе — Нью-Йорк, Киев и Хельсинки. То есть из праздного развлечения столичной золотой молодежи, как воспринимали, например, футуристов их современники, радикальное стихотворчество стало живой частью литературной жизни всех районов мира, где сегодня говорят (а значит, и пишут) по-русски.

Масштабы собранного материала впечатляют.

Юрий ОРЛИЦКИЙ

...статьи Евгения Степанова <посвящены> дефиниции жанровых и стилистических особенностей различных образцов русской поэзии...

По Степанову, рифма от XVIII века, начала русской поэзии, заметно эволюционировала: «Если в XVIII (и даже в XIX) веке только минимальное совпадение гласных и согласных звуков в конце строки могло считаться удачной рифмой, то в нынешнее время лучшие поэты предельно усиливают концентрацию звуков, глагольная рифма без опорной согласной становится непредставимой в профессиональном сообществе».

Елена САФРОНОВА

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

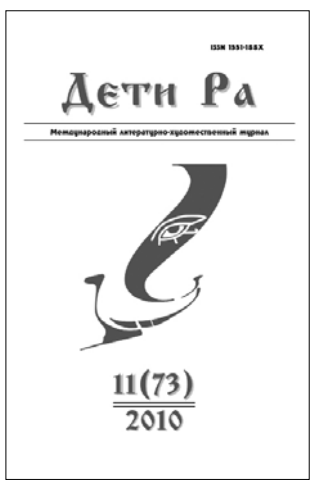
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Федор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд